

Ивашечка и ведьма (Гатцук)

Худое было житье старику со старухой: век они прожили, а детей не нажили. Смолоду еще ничего; жили, друг другу помогали; состарились — напиться подать некому... И тужат и плачут.

Пошел раз старик в лес за дровами, выбрал дерево, какое приглянулось, и только что замахнулся топором, вдруг говорит ему дерево человеческим голосом: «Подожди, добрый человек, не руби меня под корень, дай мне еще на белом свете постоять, на ясном солнышке погреться. Я твое горе знаю и в нем тебе помогу. Срежь ты с меня малую веточку, снеси домой, прикажи старухе ее в чистые пеленки укутать, новым свивальником обвить да в теплую золу под печку положить — увидишь, что будет». Послушался старик дерева, сделал все по-сказанному.

Ночью сидят старик и старуха в избе, ждут: что из веточки будет. Вдруг зашевелилось что-то под печкой, и голосок слышится: «Батюшка, матушка, выньте меня отсюда!» Поглядела старуха под печку, а там мальчик лежит, в пеленочках завернут, да такой славный — настоящая ягодка. Уж как сынку старики обрадовались, и сказать нельзя. Назвали его Ивашечкой и стали беречь-растить.

Растет Ивашечка, подрастает, в разум приходит. Как стало ему семь годков, говорит он отцу: «Сделай мне, батюшка, челночок да весельце: буду я по озеру плавать, вам рыбку ловить». «Куда тебе, ты еще мал, утонешь чего доброго!» — Нет, не утону, пусти". Сделал ему старик челночок да весельце, старуха надела на сынка белую рубашку с красным поясом — и отпустили. Вот Ивашечка сел в свою лодку и стал приговаривать: «Челночок-челночок, плыви от берега дальше. Челночок-челночок, плыви от берега дальше!» Челнок и поплыл — далеко-далеко.

В воскресенье пришла старуха на берег и стала кликать Ивашечку: «Ивашечка, мой сыночек, плыви-плыви к бережочку! Я, мать, пришла, тебе есть принесла. Принесла тебе есть-пить, чистую рубашечку переменить!» Услыхал Ивашечка материн голос и стал приговаривать: «Челночок-челночок, плыви к берегу ближе: это матушка зовет!» Приплыл челнок к берегу, старуха Ивашечку накормила, напоила, чистую рубашечку с красным поясом на него надела и опять за рыбкой отпустила.

На другую неделю старик пришел к берегу и зовет сына: «Ивашечка, мой сыночек, плыви-плыви к бережочку! Я, отец, пришел, тебе есть принес. Принес тебе есть-пить, чистую рубашечку переменить!» Услыхал Ивашечка отцов голос и стал приговаривать: «Челночок-челночок, плыви к берегу ближе: это меня батюшка зовет!» Челнок приплыл к бережку; старик забрал рыбу, что Ивашечка наловил, напоил-накормил сына, переменял ему чистую рубашку и отпустил опять ловить рыбу.

Услыхала ведьма, как старик и старуха сына кликали, и задумала поймать Ивашечку, чтобы его съесть. Вот пришла она на берег и завывала страшным голосом: «Ивашечка, мой сыночек! Плыви-плыви к бережочку! Я, мать, пришла, тебе есть принесла!» А Ивашечка распознал, что это ведьмин голос, а не материн, и говорит: «Челночок-челночок, плыви от берега дальше! Челночок-челночок, плыви от берега дальше! То не мать, то ведьма зовет!» Челнок и поплыл — далеко-далеко.

Ведьма видит, что так Ивашечку не обманешь, побежала к кузнецу: «Кузнец-кузнец, — говорит, — скуй мне такой голосок, как у Ивашкиной матери; а не то я тебя съем». Испугался кузнец, нечего делать: сковал ведьме такой голосок, как у Ивашечкиной матери. Ведьма прибежала к берегу, спряталась в кустах и давай кликать Ивашечку точь-в-точь таким голоском, как у его матери:

Ивашечка, мой сыночек, плыви-плыви к бережочку! Я, мать, пришла, тебе есть принесла. Принесла тебе есть-пить, чистую рубашечку переменить!" Ивашечка обознался, приплыл к берегу, а ведьма выскочила, схватила его, сунула в мешок и помчала к себе домой.

Пришла ведьма домой и приказывает своей работнице, Аленке: «Истопи печь да зажарь мне Ивашку хорошенько, а я пойду по делу».

Вот Аленка истопила печь жарко-жарко, взяла лопату, на которой хлебы в печь сажают, и говорит Ивашечке: «Ну, ложись на лопату!» Ивашечка лег поперек лопаты — нельзя Аленке его в печь сунуть.

«Не так, глупый: ты вдоль ляг!» Ивашечка лег вдоль, да ногами в устье печки уперся — опять нельзя Аденке его всунуть. «Эх, опять не так!» — «Да я мал еще, не знаю, как тебе нужно, — говорит Ивашечка. — Ты сама мне покажи». — «Хорошо, показать недолго!» Легла Аленка вдоль лопаты, ноги вытянула, руки сложила; а Ивашечка — шмыг ее в печь, заслонкой закрыл, лопатой заслонку припер. Сам вышел из ведьминого дома, запер двери, залез на высокое-высокое дерево, на самую верхушку, и сидит.

Воротилась ведьма домой, стучится, никто ей не открывает. «Ишь, — говорит, — ушла лентяйка из дому; наверно, где-нибудь теперь с подругами болтается!» Влезла ведьма в окошко, открыла изнутри дверь, накрыла стол, вынула жареную Аленку из печи — и давай есть. Елаела — всю Аленку съела; потом вышла на лужок и стала на травке валяться да приговаривать: «Покатаюся-поваляюся, Ивашкиного мясца поевши!» А Ивашечка ей с дерева: «Покатайся-поваляйся, Аленкиного мясца поевши!» «Что это, будто меня кто переговаривает?» — говорит ведьма. Поглядела туда-сюда — нет никого. Опять давай валяться по травке: «Покатаюся-поваляюся, Ивашкиного мясца поевши!» А Ивашечка с дерева опять ей: «Покатайся-поваляйся, Аленкиного мясца поевши!»

Перестала ведьма кататься, прислушалась, посмотрела туда-сюда. Глядь, а на дереве Ивашечка сидит. Так и взвыла она со злости, заскрипела зубами и бросилась грызть дерево, на котором Ивашечка сидел. Грызлагрызла-грызла — передние зубы выломала. Побежала к кузнецу: «Кузнец-кузнец! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!» Что кузнецу делать? Сковал он ей железные зубы. Прибежала ведьма к дереву, впиалась в него железными зубами: зашаталось, затрещало дерево.

Сидит, Ивашечка ни жив, ни мертв — вдруг видит: летит стая гусей. Взмолился он, стал их упрашивать: «Гуси мои, лебедушки! Возьмите меня на крылышки! Отнесите к отцу, к матери: там вас накормят-напоят!» «Ка-га! — говорят гуси. — Пусть тебя задние возьмут!»

А ведьма грызет — только щепки летят, дерево трещит, шатается. Летит другая стая гусей. «Гуси мои, лебедушки! — молит их Ивашечка. — Возьмите меня на крылышки! Отнесите к отцу, к матери: там вас накормят-напоят!» — «Ка-га! — говорят гуси. — Пусть тебя отсталый гусенок возьмет!»

Не летит отсталый гусенок, а дерево совсем уж перегрызено, вот-вот повалится. Остановилась ведьма отдохнуть, глядит на Ивашечку, облизывается. Вдруг летит отсталый гусенок, чуть крылышками машет. Взмолился к нему Ивашечка: «Ой ты, гусек-лебедь мой! Возьми меня на крылышки, отнеси к отцу, к матери: там тебя досыта накормят, холодной водицей напоят!» Пожалел гусенок Ивашечку, подхватил его на крылья и полетел с ним вместе.

Прилетел гусенок к Ивашечкиному дому и опустился на крышу. А старуха в то время блинов напекла; сидят они со стариком, сына Ивашечку поминают. «Это тебе, старик, блин, а это мне! Это — тебе, а это — мне; это — тебе, а это — мне», — говорит старуха. «А мне?» — отозвался Ивашечка. «Это тебе,

старик, а это — мне...» — «А мне?» — «Посмотри-ка, старик, кто это там на крыше отзывается». Вышел старик, глядь: а на крыше Ивашечка сидит, живой, здоровый. Обрадовались ему отец с матерью так, что и рассказать нельзя.

И стали они жить-поживать, добра наживать. А отсталого гусенка отпоили, накормили, на волю пустили. С той поры начал он широко крыльями махать, впереди стаи летать. И теперь живет-поживает, Ивашечку вспоминает.